Брат Весельчак

Велась некогда большая война, и когда окончилась, многие солдаты получили отставку. И Брат Весельчак тоже получил отставку вместе с другими, а при отставке — небольшой казенный хлебец да четыре крейцера на выход.

Побрел Брат Весельчак путем-дорогою и повстречался ему Святой Петр в образе нищего и попросил милостыни. Тот отвечал ему: «Э-э, миляга, что мне и дать-то тебе? Был я в солдатах и выпущен вчистую: и всего-то у меня за душою казенный хлебец да четыре крейцера… А как и те выйдут, придется и мне точно так же просить милостыню, как ты просишь… Однако же дам, что могу».

Затем он разделил хлебец на четыре части и одну из них дал Святому Петру, добавив к хлебу и крейцер.

Поблагодарил его Святой Петр, пошел далее и в образе другого нищего сел на пути солдата; когда тот поравнялся с ним. Святой Петр опять попросил у него милостыни. Брат Весельчак опять повторил ту же речь и опять подал ему четверть хлебца и крейцер.

Поблагодарил его Святой Петр, пошел далее и в третий раз в образе нищего сел при дороге, и опять обратился к Весельчаку с тою же просьбою. Весельчак и в третий раз дал ему третью четверть хлебца и третий крейцер. Святой Петр его поблагодарил, а добряк пошел далее, и осталось у него в запасе всего четверть хлебца да один крейцер.

С этим запасом зашел он в гостиницу, съел свой кусок хлеба, а на крейцер спросил себе пива.

Затем пошел дальше путем-дорогою, а навстречу ему вышел опять Святой Петр в образе отставного же солдата и заговорил с ним: «Здорово, товарищ! А что, не найдется ли у тебя куска хлеба в запасе да хоть крейцера на выпивку?» — «Где мне это взять? — отвечал Весельчак. — Выпущен я вчистую, и за службу получил только казенный хлебец да четыре крейцера! На пути своем повстречал я троих нищих и каждому дал по четверти хлебца да по крейцеру. Последнюю же четверть я съел сам, зайдя в гостиницу, да на последний крейцер выпил. Теперь, брат, у меня пусто, и если у тебя тоже ничего нет, то мы вместе можем отправиться просить милостыню». — «Нет, — сказал Святой Петр, — это пока еще не нужно; я кое-что смыслю в лечении болезней и сумею этим делом заработать, сколько мне нужно». — «Ну, а я в этом ничего

не смыслю, — сказал Весельчак, — значит, мне и придется одному идти нищенствовать». — «Э-э, пойдем со мною! — сказал Святой Петр. — Коли я что-нибудь заработаю, так поделюсь с тобою». — «Что ж, мне это на руку!» — сказал Весельчак.

Так и продолжали они путь вместе.

Вот и пришли они к одному крестьянскому дому и услышали в нем вой и плач; зашли туда и видят, что хозяин дома лежит при смерти, и смерть у него за плечами, а жена его по нем воет и голосом плачет.

«Полно выть и плакать, — сказал Святой Петр, — я вылечу вашего мужа», — и с этими словами вынул из кармана какую-то мазь и исцелил больного мгновенно, так что он мог встать и совсем выздоровел.

Муж и жена очень этому обрадовались и спросили: «Чем можем мы вас наградить? Что можем вам дать?»

Однако же Святой Петр не захотел ничего брать, и чем более они его упрашивали, тем более он отказывался. А Весельчак-то и подтолкни его в бок, говорит: «Бери же что-нибудь, ведь нам же нужно».

Наконец хозяйка вынесла ягненочка и сказала Святому Петру, что он должен его взять; но тот все отказывался. А Весельчак-то опять его в бок: «Да бери же, дурень, ведь нам нужно!»

Тогда Святой Петр сказал, наконец: «Ну, ладно! Ягненочка я возьму, но не понесу сам; хочешь, брат, так сам и неси». — «Отчего ж не понести!» — отвечал Весельчак и вскинул ягненка на плечо.

Вот и пришли они в лес; ягненок порядком оттянул плечо Весельчаку, который притом же был и голоден, а потому сказал своему спутнику: «Глянь-ка, местечко здесь недурно, здесь могли бы мы ягненочка сварить и съесть». — «Пожалуй, — отвечал Святой Петр, — но только варить я не мастер; вари, коли хочешь, вот тебе и котел; а я тем временем похожу, пока ягненок сварится. Но только ты не принимайся за еду прежде моего возвращения; я уж приду вовремя». — «Ступай, ступай! — сказал Весельчак. — Я готовить умею и уж справлюсь с делом».

Святой Петр ушел, а Весельчак зарезал ягненка, положил мясо в котел и стал варить. Вот ягненок-то уж и сварился, а спутника все нет; тогда Весельчак вынул ягненка из котла, взрезал его и нашел внутри него сердце. «Это, верно, самый лакомый кусочек в нем», — сказал он и сначала только отведал его немного, а затем и все целиком съел.

Наконец и Святой Петр вернулся и сказал: «Ты хоть всего ягненка можешь съесть, а мне дай только одно сердце».

Весельчак взял и нож, и вилку в руки и давай преусердно искать среди кусков ягнятины, и сделал вид, что не может никак отыскать сердце; наконец процедил сквозь зубы: «Да его тут вовсе и нет». — «Что же это значит?» — спросил Святой Петр. «Право, не знаю, — сказал Весельчак, — а впрочем, что же мы оба за дураки! Ищем сердце ягненка, а ни одному из нас и в голову не приходит, что у ягненка сердца нет!» — «Ну, это что-то новое! У каждого животного есть сердце; почему бы могло не быть его у ягненка?» — «Нет, нет, взаправду, брат! Ты только сообрази, так сейчас поймешь, что у него в самом деле сердца не имеется!» — «Ну, пусть будет так! — сказал Святой Петр. — Коли сердца нет, так мне и ягненок не ну- жен; можешь его есть один». — «Чего не съем, то захвачу с собою в ранец на дорогу», — сказал Весельчак, съел пол-ягненка и сунул остальное в свой ранец.

Пошли они далее, и по воле Святого Петра широкая река перерезала им дорогу, а им надо было через нее непременно перейти. Вот Святой Петр и сказал: «Ступай ты вперед». — «Нет, — отвечал Весельчак, — лучше ты вперед ступай». А сам подумал: «Если окажется глубоко, так я лучше на берегу останусь». Пошел Святой Петр в воду, и вода достигала ему только по колено. Задумал и Весельчак переходить, а вода-то прибыла и была ему по горло.

И стал он кричать: «Брат, помоги!» А Святой Петр сказал: «Признайся мне, что съел сердце ягненка». — «Нет, — отвечал тот, — не ел я его».

А вода-то все прибывала и достигла уж до самых уст солдата. «Помоги мне, брат!» — крикнул он. «А признаешься ли ты мне, что съел сердце ягненка?» — «Нет, — отвечал солдат, — не ел я его».

Не хотелось Святому Петру, чтобы Весельчак потонул, он спустил воду и помог ему через нее перебраться.

Пошли они далее и пришли в такое царство, где королевна была при смерти. Услышали об этом наши путники, и солдат сказал: «А что, брат, ведь это для нас пожива! Если мы ее вылечим, так, пожалуй, на весь век обеспечимся!» И показалось ему, что его спутник недостаточно проворно ворочается; и он давай его поторапливать: «Да ну же, голубчик, поворачивайся! А то, пожалуй, еще опоздаем!»

А Святой Петр нарочно замедлял и замедлял шаг, как ни торопил его товарищ, пока наконец они не прознали, что королевна скончалась.

«Вот тебе и на! — сказал с досадою солдат. — А все оттого, что ты так плелся нога за ногу!» — «Помолчи лучше, — отвечал ему Святой Петр, — я ведь не только больных лечить умею, я и мертвых могу вновь призывать к жизни». — «Да, вот если ты это умеешь делать, так оно мне на руку; только уж ты меньше половины королевства за оживление не бери!»

Затем они направились к королевскому замку, где все были погружены в великую печаль; там и сказал королю Святой Петр, что он берется оживить королевну.

Повели его к умершей королевне, и он сказал: «Принесите мне полнешенек котел воды», — и когда котел был принесен, он приказал всем выйти из комнаты, оставив при себе только одного Весельчака.

Затем он изрезал на куски все тело усопшей, побросал куски в котел, развел под ним огонь и стал их варить. И когда все мясо от костей отстало, он добыл из котла тонкие белые косточки, положил их на стол и собрал в обычном, естественном порядке.

Затем он стал перед столом и трижды произнес: «Усопшая, восстань!» И при третьем возглашении этих слов королевна поднялась живая, здоровая и прекрасная, как и прежде.

Король, конечно, несказанно обрадовался и сказал Святому Петру: «Требуй от меня награды, и если бы ты даже пожелал половину моего королевства, охотно отдал бы тебе!»

Но Святой Петр отвечал: «Я не желаю никакой награды». — «Экий дурень!» — подумал про себя солдат, толкнул товарища в бок и шепнул ему: «Да полно же тебе дурить! Коли тебе ничего не нужно, так я-то не прочь бы получить хоть что-нибудь».

Святой Петр ничего не пожелал; однако же король заметил, что его товарищ не так бескорыстен, и приказал своему казначею набить ранец солдата червонцами.

Пошли они далее, и когда дошли до леса. Святой Петр сказал Весельчаку: «Ну, теперь давай делить золото». — «Хорошо, — отвечал тот, — давай делить».

Разделил Святой Петр золото — и разделил на три части. «Что это он за затею опять затеял? — подумал солдат. — Нас всего двое, а он на три доли делит».

Разделив золото. Святой Петр сказал: «Я разделил на три доли очень верно — одна доля мне, одна тебе, а одна тому, кто сердце ягненка съел». — «О, а это я же его и съел, — поспешил ответить Весельчак и поскорее прибрал золото к рукам, — я съел, уж ты поверь мне!» — «Может ли это быть? — продолжал Святой Петр. — Ведь ты же сам утверждал, что у ягненка вовсе сердца нет». — «Э, братец мой, мыслимое ли это дело? И у ягненка сердце есть, как у всякого животного… Почему бы у него сердцу не быть?» — «Ну, ладно же, — сказал Святой Петр, — возьми себе все золото, но я; уж не хочу долее быть твоим спутником, я пойду один своею дорогою». — «Как знаешь, голубчик, — сказал солдат, — на том и прощай».

И пошел Святой Петр другой дорогою, а Весельчак про себя подумал: «Оно и лучше, что он от меня отстал; а то он какой-то мудреный — чудодей, что ли?»

Кстати же, и денег у него теперь было довольно; но он не умел с ними обращаться, разбрасывал их, раздаривал и по прошествии некоторого времени опять остался ни с чем.

Вот и пришел он в одну страну, где, по слухам, королевна только что скончалась. «Вот оно что! — подумал он. — Ведь тут отличное дело может выгореть! Я ее оживлю, и уж, конечно, заставлю себе за это заплатить надлежащим образом».

Пошел к королю и предложил ему оживить усопшую. А до короля уже дошли такие слухи, что вот ходит по белу свету какой-то отставной солдат и оживляет усопших; он и подумал, что Весельчак и есть тот самый солдат.

Однако же, так как он не имел к нему доверия, то сначала посоветовался со своими советниками, и те сказали ему: «Отчего же не попробовать, ведь дочь-то твоя все равно уж скончалась».

Весельчак велел воды в котле принести, потом всех выслал из комнаты, разрезал тело усопшей на части, покидал их в котел, развел под ним огонь — все точно так же, как это его спутник делал.

Стала вода в котле закипать, и мясо от костей отставать; тогда выбрал он из котла кости и разложил их на столе; однако же он не знал, в каком порядке их следует составить, и все сложил шиворот-навыворот.

Потом стал перед столом и сказал: «Усопшая, восстань!» — и трижды повторил, а кости и не двигались.

Он и еще трижды повторил те же слова — и тоже безрезультатно. «Да ну же, вставай, поднимайся, сударыня, — крикнул он наконец, — не то худо будет!»

Чуть только он это произнес, как Святой Петр, по-прежнему в образе отставного солдата, явился к нему, проникнув в комнату через окно, и сказал: «Ах ты, безбожный человек! Как осмеливаешься ты приниматься за это дело, не разумея даже того, что усопшая не может восстать из мертвых, когда ты так перепутал все ее кости?» — «Голубчик, да я сделал, как умел!» — взмолился солдат. «На этот раз еще я тебя выручу из беды, но предупреждаю тебя, что если ты осмелишься еще раз что-нибудь подобное предпринять, то тебя постигнет великое несчастие… Сверх того, не смей от короля ни требовать, ни принимать никакой, даже самой ничтожной награды». Затем Святой Петр сложил кости королевны в настоящий порядок, произнес трижды: «Усопшая, восстань!» — и королевна поднялась здоровая и прекрасная, как и прежде.

А Святой Петр как пришел, так и удалился через окно; и Весельчак, довольный-предовольный тем, что все так хорошо у него с рук сошло, горевал только о том, что ему нельзя было получить никакой награды.

«Желал бы я знать, что у него такое в голове сидит, — подумал солдат, — ведь то, что он одною рукою дает, то другою отнимает, а в этом просто смысла нет!» Стал король Весельчаку предлагать, что он желает, но тот ничего не смел взять открыто, однако же разными намеками и хитростью довел до того, что король приказал наполнить ему ранец золотом, — с тем он и ушел.

Когда он вышел из замка, у ворот стоял Святой Петр и сказал ему: «Видишь, какой ты человек? Ведь я же тебе запретил брать что бы то ни было, а у тебя вон ранец полнехонек золота!» — «Да что же я буду делать, — возразил солдат, — когда мне его туда насильно напихали?» — «Ну, так я же говорю тебе, чтобы ты во второй раз не смел ничего подобного делать, а не то тебе худо будет». — «Э, брат! Не тревожься; теперь у меня золота вдоволь; стану ли я еще возиться с обмыванием косточек». — «Да, как же! — сказал Святой Петр. — Думаешь, надолго тебе золота хватит? Ну, а чтобы ты опять не задумал выступить на запретную дорогу, я наделю твой ранец таким свойством, что чего бы ты ни пожелал, все у тебя тотчас в нем очутится. Прощай, больше уже мы с тобой не увидимся». — «С Богом!» — сказал солдат, а сам подумал: «Я и рад, что ты уходишь, чудак ты этакий! Я за тобой вслед не пойду!» В ту пору он и не подумал о чудесной силе, которая дана его ранцу.

Пошел Весельчак по белу свету и разметал свое золото как в первый раз. Наконец остался при четырех крейцерах, и случилось (ему идти мимо гостиницы; он и подумал: «Надо от денег отделаться», — и приказал дать на три крейцера вина и на крейцер хлеба.

Когда он, сидя там, допивал свое вино, он вдруг почуял запах жареного гуся. Стал Весельчак посматривать и поглядывать и увидел, что в печной трубе у хозяина поставлено два гуся. Тут только вспомнил он о чудесном свойстве своего ранца и решился испытать его на этих гусях.

И вот, выходя из дома и переступая порог, он сказал: «Желаю, чтобы жареные гуси из трубы очутились в моем ранце». Как только он это сказал, вскрыл ранец, заглянул в него — там они и есть! «Вот это ладно! — сказал он. — Теперь могу жить без заботы!» — вышел на лужок и вытащил из ранца жаркое. Ел он, ел в свое удовольствие и видит — подходят к нему какие-то подмастерья и смотрят на второго, непочатого гуся жадными завистливыми глазами. Весельчак и подумал: «Мне одного довольно», — подозвал обоих ребят и отдал им второго гуся, сказав: «Ешьте за мое здоровье!»

Те его поблагодарили, понесли гуся в гостиницу, приказали подать себе полбутылки вина и хлеба, вытащили гуся и принялись за него.

Хозяйка пригляделась к ним, да и говорит мужу: «Эти двое едят гуся; загляни-ка ты в трубу, не из наших ли гусей этот гусь?»

Заглянул хозяин в трубу и видит — пусто. «Ах вы, воровская челядь, вы задумали гусем задаром полакомиться! Сейчас платите, не то попотчую вас березовой кашей!» — «Какие же мы воры? — взмолились подмастерья. — Нам этого гуся подарил там на лугу отставной солдат». — «Что вы мне зубы заговариваете! Солдат здесь, точно, был, но честным гостем в двери ушел, и я за ним следил; а вы-то настоящие воры и есть, и вы должны мне за гуся заплатить». Но так как заплатить они не могли, то он взялся за палку и выгнал их из гостиницы.

Между тем Весельчак шел да шел своей дорогой и пришел к местечку, где около богатого замка стояла дрянная гостиница. Стал он проситься в гостиницу ночевать, но хозяин отказал, сказав: «Нет для тебя места; гостиница полнешенька знатных гостей». — «Дивлюсь я этому, — сказал Весельчак, — почему все останавливаются у вас, а не в этом прекрасном замке?» — «Да, чего-нибудь да стоит в нем ночь проспать, — сказал хозяин, — кто там ночевать пытался, тот жив оттуда не возвращался». — «Коли другие пытались, — сказал Весельчак, — так отчего же и мне не попытаться?» — «Пустое, брось, — сказал хозяин, — ведь за это шкурой поплатишься». — «Ну, не сейчас же шкурой; дайте мне только ключи от замка, да хорошенько поесть и выпить».

Дал ему хозяин ключи, дал и еду, и выпивку, и затем Весельчак ушел в замок, плотно поужинал, и когда стало клонить его ко сну, растянулся там на полу, потому что кровати не оказалось.

Вскоре он и заснул, но среди ночи пробужден был страшным шумом, и когда протер глаза, то увидел в своей комнате девять отвратительных бесов, которые плясали около него хороводом. «Ну, что ж, — сказал Весельчак, — пляшите, пожалуй, сколько хотите, но только чтобы ни один не смел ко мне близко подойти». Но бесы напирали на него все ближе и ближе и почти касались его лица ногами в своей бешеной пляске. «Смирно вы, черти!» — крикнул солдат; но они все по-прежнему лезли к нему. Тут Весельчак рассердился, крикнул: «Я вас живо уйму!» — отломил ножку от стула, да и давай их колотить.

Однако же девятерых бесов на одного солдата было слишком много, и в то время, когда он бросался на передних, задние таскали его за волосы и трепали безжалостно. «Постойте ужо, чертовы дети! Я с вами справлюсь! — крикнул солдат. — Полезайте все девятеро ко мне в ранец!»

И мигом все очутились в ранце, который он затянул на все пряжки и швырнул в угол.

Тогда все вдруг затихло, и Весельчак улегся по-прежнему и проспал до бела дня.

Тут пришел хозяин гостиницы с владельцем замка и захотели взглянуть, что с ним сталось.

Когда они увидели его живым и здоровым, они удивились и спросили: «Разве вам духи здешние никакого вреда не причинили?» — «Пытались было, — отвечал солдат, — но я их всех забил в свой ранец. Вы можете преспокойно вновь поселиться в вашем замке, ни один не придет более вас тревожить».

Владелец замка поблагодарил его, щедро одарил и оставлял его у себя на службе, обещая обеспечить на всю жизнь. «Нет, — сказал солдат, — я привык бродить по белу свету и пойду далее».

И точно, ушел, пришел в кузницу и, положив ранец на наковальню, попросил кузнеца и его помощников приударить по ранцу молотами. Те принялись бить по ранцу своими огромными молотами, да с такою силою, что бесы подняли жалобный вой.

Когда он после этого ранец вскрыл, то оказалось, что из девяти бесов восемь уже околели, а девятый, которому удалось забраться в складку ранца и остаться в живых, выскользнул из ранца и тотчас ускользнул в преисподнюю.

И после этого еще много лет сряду скитался Весельчак по белу свету, и кто бы знал, тот бы много о нем рассказал.